

Галина Юрьевна САВЧЕНКО

НОВАЯ ЭТИКА. ЛЮБОВЬ, СЕКС И ОТНОШЕНИЯ В ЧЕТВЕРТОМ ИЗМЕРЕНИИ¹

АННОТАЦИЯ

Тема данной статьи – необходимые изменения в теории и методологии психоанализа, обусловленные вызовами современного информационного общества. Автор предлагает клинический портрет современного пациента психоаналитической психотерапии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сновидение, психоз, сексуальность, нарциссический пациент, психотический субъект.

ABSTRACT

The subject of this article is the changes in the theory and methodology of psychoanalysis, determined by the challenges of the modern information society. The author presents a clinical portrait of a modern patient of psychoanalytic psychotherapy.

KEY WORDS: dream, psychosis, sexuality, narcissistic patient, psychotic subject.

Уважаемые коллеги!

В своем сегодняшнем выступлении я хочу предложить вам поразмышлять о том, как революционно изменился мир, человек и его отношения со времен открытия бессознательного и построения психоаналитической теории Зигмундом Фрейдом.

Цифровизация всех сфер человеческой жизни, которую ускорили локдаун и пандемия, вынудила нас приспосабливаться к новому, четвертому измерению, активно

¹ Текст доклада, прочитанного в рамках онлайн-проекта «Психоанализ – Open Space» (сентябрь 2021 г.).

переносить туда все свои связи, работу, отношения, а так же обучаться особенностям, алгоритмам и, по роду нашей помогающей профессии, быть проводниками в новом неизведанном мире.

В профессиональном дискуссионном поле идет интенсивная полемика о том, хорошо ли это или плохо – коммуникации в режиме онлайн, и нужно ли психоаналитику осваивать цифровое измерение так же, как когда-то переселенцы осваивали Америку?

Пандемия сломала и изменила многие алгоритмы привычного мира, подобно библейскому «всемирному потопу», обнулила его и заставила нас принять новое как неизбежность.

Говорить о том, хорошо это или плохо, – не имеет смысла. Новое принимают и живут в нем, или не принимают и сходят с корабля реальности в лету истории. И, на мой взгляд, нам нужно осознавать и анализировать революционные пространственно-временные изменения не в старом дискурсе привычного физического мира, а в контексте принятия нового, его возможностей и ограничений. Необходимо наблюдать, как изменяется сам человек, его личные и социальные связи, а также то, как в связи с этим должен измениться психоанализ, который, исполняя основное правило, следует за человеком/пациентом и помогает ему в преодолении сложностей его жизненного пути.

Мы участники и творцы новейшей психоаналитической истории, мы очевидцы и в каком-то смысле пионеры в цифровом психоаналитическом мире. Экспериментаторы и проводники. И мне кажется, что в настоящем времени никто лучше психоаналитика не может понять динамику изменений, описать ее и предложить интерпретации происходящих в человеческой жизни перемен.

Я полагаю, что мы в самом начале длинного дискуссионного пути. И в самом начале глобальных изменений. И каждый из нас сам решает эту вечную загадку «Сфинкса». Каждый сам решает для себя: стакан полупустой или наполовину полный. И в зависимости от собственного ответа следует по выбранному пути.

В связи с глобальностью происходящего и чтобы не потеряться в размышлениях о вечном, обозначу основные направления моего сегодняшнего выступления.

1. Напомнить уважаемым слушателям базовые психоаналитические понятия, помогающие нам оставаться в структуре психоаналитической теории.
2. Поразмышлять на тему глобальных изменений и взаимосвязи цифрового и реального. Как и почему цифра изменяет мир человека и к каким это приводит результатам
3. Предложить коллегам – психоаналитикам свои наблюдения и размышления о новой этике, продиктованной цифровым миром, и обозначить неизбежные изменения в психоаналитической практике, которые обусловлены новейшей историей.

Современный мир – мир электроники, скоростей, цифровой связи и искусственного интеллекта. Это строительство исследовательского центра на Марсе, редактирование генома человека и, конечно цифровое измерение – новый космос, существующий рядом с человеком 24/7, на расстоянии «вытянутой руки». Виртуальное пространство – это мир грез, в котором многие из нас успешно работают, дружат, общаются и заводят любовные отношения. Волшебный мир зазеркалья, который существует специально для нас и для исполнения наших желаний! Надо только, как в детской сказке, сказать заветные «крибле-крабле бумц», набрать в строке браузера правильные знаки, и волшебный мир к вашим услугам! Одновременно это и потерянный рай, в котором мы пребывали, еще не родившись, в утробах наших матерей. Он удивительно похож на мир сновидений или особых сомнамбулических состояний, куда мы погружаемся в определенные моменты времени. Только теперь это сон наяву! Сегодня и всегда этот мир грёз рядом с вами, за экраном гаджета. Это ваш личный цифровой космос, в который вы можете выходить из любой точки реального мира, как в кабинет, стоит вам только надеть наушники! И вы можете оставаться там так долго, как пожелаете, по-прежнему продолжая жить в реальности, и даже время от времени коммуницировать с окружающими вас людьми, не выходя из цифрового формата!

Эти две вселенные существуют параллельно и не пересекаются, и только человек служит звеном, которое их соединяет. Что происходит с этим человеком, живущим одномоментно в двух мирах? Возможно, он приобретает свойства бога, управляющего вселенной?

Королевская дорога в бессознательное

Теперь ненадолго оторвемся от созерцания этой великолепной новой реальности и посмотрим на нее сквозь призму психоанализа.

С момента открытия бессознательного и зарождения психоанализа Фрейд заинтересовал сновидения. И мы знаем, что 24 июля 1895 г. в одном венском ресторане, размышляя на фундаментальные психоаналитические темы, он сформулировал идею о том, что сновидение представляет собой набор кодов и шифров бессознательного, в котором находят свое удовлетворение вытесненные желания сновидца. Именно в это время он сформулировал свой ключевой тезис о том, что сновидение – это королевская дорога в бессознательное.

Но уже к 1938 г. (через почти 40 лет) в своей работе по технике лечения он пишет, что «Сновидение – это психоз, со всеми его нелепостями, бредовыми образованиями, обманами чувств... Правда психоз кратковременный, безвредный и даже наделенный полезной функцией. Начинающийся с согласия человека и оканчивающийся изъяснением его же воли...» [7].

И если мы размышляем на тему цифрового мира, который сегодня осваивает современное человечество, то понимаем, что он во многом устроен по принципу сновидения и значит, тесно связан с психоаналитическим пониманием психоза.

И поэтому мы можем перефразировать, что сны наяву – это королевская дорога в психотический мир, со всеми вытекающими (тяжёлыми или легкими) последствиями. Цифровая коммуникация накладывает свой отпечаток на любую личность человека и изменяет ее.

Мы наблюдаем странности в поведении людей, которые в силу своей профессии большую часть времени проводят в интернете и не просто в социальных сетях или мессенджерах, а по-настоящему беседуют с цифровым разумом на его языке.

Как пребывание в цифровой психотической среде меняет человека?

Людям становится все труднее поддерживать душевную связь, они не готовы эмоционально тратить на заботу о ком-то кроме себя. Биологически оставаясь людьми, они теряют важные человеческие качества: интерес к другому, совместное творчество и доверие к будущему.

Мы знаем, что психоанализ начинался с лечения истерии, и был разработан для лечения неврозов, но в середине прошлого столетия психоаналитический мир заговорил о нарциссическом пациенте на психоаналитической кушетке, и теория Лакана, его дискурс о наслаждении, желании большого Другого, об изоляции субъекта и пр. стали своевременным ответом на бессознательный запрос социума и нового нарциссического мира, обслуживающего потребности грандиозного Я нарциссического субъекта.

С каким психоаналитическим пациентом имеет дело современный психоанализ, и можем ли мы сформировать гипотезу о будущем социальном субъекте, наблюдая революционные изменения окружающего мира уже сейчас?

«В моей недавно вышедшей в свет работе «Я и Оно», – писал Фрейд, сравнивая неврозы и психозы, – я указал на расчленение душевного аппарата, на основе которого можно в простой и наглядной форме изложить целый ряд отношений... Я самовольно создает себе новый внешний и внутренний мир, и нет никаких сомнений в двух фактах: в том, что этот новый мир построен в духе импульсов-желаний ОНО и что мотив этого разрыва с внешним миром – тяжелая, кажущаяся невыносимой фрустрация желаний, относящихся к реальности. Нельзя не заметить внутреннего родства этого психоза с обычным сновидением...» [5].

Таким образом можно с уверенностью сказать, что сетевой мир погружает человека в контент бессознательного, в пространство психопатической вселенной, где понятие нормы и патологии меняются местами. Либинозный драйв катектируется на Я, и мы имеем дело с субъектом, инвестирующим самого себя. Агрессивный же драйв выводится вовне и становится архаическим преследователем, от которого

субъект защищается, убегая в мир грез, в безопасное пространство четвертного измерения, обретая силу и бессмертие. Так любовь, сексуальность и отношения приобретают другой смысл и контекст.

И становится понятно, почему последняя сексуальная революция второй половины двадцатого века прошла под знаком изменения отношения к сексуальным перверсиям. Все, что сейчас происходит в сексуальной и личной жизни человека, – ее последствия, помноженные на тотальную диджитализацию общества в результате угроз пандемии.

Новая толерантность строится на более демократичных и свободных взглядах на женскую телесность и сексуальность, а также на попытках принятия взрослой мужской и женской гомосексуальности. И наверно это естественно, если мы имеем дело с невротическим субъектом.

А если нет? Если давно уже не существует никакого невротического субъекта? И объект психоаналитического исследования – психотик или социопат?

Психоз, травма и сексуализация общества как новая норма социальной связи

М. Фуко в своей концепции сексуальной революции говорит о «сексуальной репрессии», которая, согласно З. Фрейду, относится к феноменам массообразования. Это действие направлено на подавление свободы и запускается через сексуальную революцию, несущую сексуальную и социальную свободу [2].

Известный британский социолог, изучающие новую общественную мораль и сексуальность, Энтони Гидденс описывает шесть сфер сексуальности, которые претерпели кардинальные изменения в ходе последней сексуальной революции, связанной с трансформациями, происходящими в обществе. В особенности это касается двойных стандартов в сексуальной морали. Основным импульсом таких изменений стали:

1. Отделение функции воспроизводства от сексуальности.
2. Стирание двойного стандарта в половой морали, основанной на гендерных различиях.

Гидденс предлагает называть новую сексуальность термином «пластичная сексуальность».

«Пластичная сексуальность – это децентрализованная сексуальность, освобожденная от репродуктивных потребностей» [1, с. 28].

«Сексуальность – предмет, который представляется публично irrelevantным: с одной стороны, всеохватывающим, а с другой – сущностно частным делом. Постоян-

ным фактором здесь можно так же считать, что он не задан биологией и необходим для продолжения рода» [1, с. 30].

Но вернемся к Фуко и его анализу современных социальных феноменов.

«В обществе постмодерна, – пишет он, – секс становится точкой фиксации», современным способом исповедоваться, на манер церковной исповедальни. Согласно Фуко, сексуальность выступает как ключевая связка между идентичностью, телом и социальными нормами.

Эротическое наслаждение превращается в «сексуальность» по мере того, как в профессиональной литературе появляются тексты, в которых она изучается как «феномен», и главное, где определяется понятие «нормы» и «отклонения». Соответствующий дискурс создается на базе «научного объяснения» нормы и патологии. Поэтому сексуальность приобретает признаки социального продукта, инициированного властью.

Что изменяется в обществе с открытием четвертого, цифрового измерения? Как изменяется сексуальность и телесность в пространстве, организованном по принципу функционирования бессознательного? В психотической вселенной, без ясных границ и властных структур, где сам индивид и есть власть?

И где тогда, согласно психоаналитическому механизму смещения, мы должны ожидать появление пространства для сексуального отыгрывания и «исповедывания»?!

Размышление о цифровом мире и человеческих отношениях в цифровой матрице побуждают нас пересмотреть наше понимание сексуальности и отношений. В современном обществе мы наблюдаем тенденцию к затрудненной способности выражать чувства словами наряду с неумением справляться с собственными эмоциями. Попросту налицо неспособность большинства современных людей сконструировать изложение себя и репрезентировать его в объектных отношениях реального телесного мира.

Но виртуальное пространство более пластично и поддается манипулятивным преобразованиям дезинсценирующим личное Я.

В результате инфляции Я происходит структурный поворот, и «Тень объекта падает на Я» или «объект берет верх над Я» или «Я рассматривает само себя как объект» – так в известной работе «Скорбь и меланхолия» Фрейд описывает психотические реакции субъекта, связанные с потерей объекта [6].

Возможно, что-то похожее происходит и в виртуальной реальности, являющейся нарциссическим расширением субъекта, где он получает иную, цифровую идентификацию и цифровую репрезентацию себя, превращаясь таким образом в пакет информации и расчеловечиваясь.

И это побуждает нас размышлять о теории Спотница, работающей с психозами и психотическим субъектом.

«Секс в современной цивилизации не загоняется в подполье» [1], но перерастание его в продукт, особенно в контексте тотальной цифровизации, расширяет понимание терминов «проституция» и «порнография» и вплотную подводит нас к обновленному пониманию термина «девиация». Сексуальность и телесность, приобретая признаки продукта, начинают существовать сами по себе, отдельно от человека, как субъекта реального мира. И, несмотря на свободную сексуальную мораль, сексуальных отношений в мире становится все меньше и меньше, и они заменяются сексуальными контактами.

Цифровой мир погружает человека в контент бессознательного, в пространство психопатической вселенной, где понятие нормы и патологии меняются местами. В четвёртом цифровом измерении человек может легко изменить свое тело, пол, возраст, способы построения отношений, он вообще может существовать там в совершенно другом, не человеческом образе и контексте. Через связующее звено – человека, зазеркалье начинает влиять на нашу реальную жизнь, атакуя биологические, человеческие, системообразующие концепции реального мира и разрушая само понятие Человек.

И эту тотальную диджитализацию можно с полным правом рассматривать как травму, как тоталитарную угрозу, ставящую под вопрос существование человека, как биологического вида *Хомо Сапиенс*...

Я предлагаю осмысливать эти процессы через психоаналитическое понятие травмы, в которой отсутствует символизация, и этот несимволизируемый опыт постепенно интегрируется в структуру архаического суперэго – инстанцию запрета и наказания, порождая пресекуторную тревогу и страх преследования. Это происходит по законам первичного процесса мышления, группируя ассоциации и воспоминания по принципу расщепления.

И, вероятно такое современное понимание травмы, может служить конструктом для тестирования реальности и понимания апокалиптических настроений и ненадежности, непредсказуемости мира на всех уровнях коммуникаций, начиная от родительско-детских, социальных и сексуальных.

Мертвая цифровая среда, царство Танатоса, как холодная мертвая мать, формирует психотического субъекта, который строит отношения посредством проективной идентификации.

Вот почему окружающий мир так разобщен (несмотря на все попытки соединить людей через дискурс мультикультурности и толерантности).

Именно поэтому так остро ставится сегодня проблема чайлдфри, психосоматического бесплодия или делегирования функции рождения потомства технологиям ЭКО или суррогатным матерям.

Именно поэтому синдромы аутизма и гиперактивности детей, приобретают признаки массовости.

Именно поэтому проблема самоповреждения или тяга к суицидам среди подростков становится проблемой номер один в современном мире.

Поэтому многих молодых людей в возрасте 30-ти лет можно с полным правом назвать «растерянное поколение». Это люди, которые плохо понимают себя и не знают, чем хотят заниматься в жизни и в будущем.

Поэтому в современном мире активизируется сексуальная перверсия как норма: тело становится пустым сосудом, а сексуальное либидо инвестируется в цифровые клоны, парциальные объекты – сексуальные игрушки или резиновых «Зин», которые по сути являются сексуальными фетишами, симулякрами и симптомами глобального психоза.

О влиянии анаклитической травмы на формирование психотического субъекта и его отношения с большим Другим, достаточно подробно писали Рене Шниц и Джон Боулби. И я соглашусь с идеей о современном психотическом обществе, о которой говорят многие современные психоаналитики.

В этом обществе в качестве нормы существуют феномены, свидетельствующие об игнорировании желания Другого, – о его исключении. Эти новые, социальные формы коллективного расщепления, изоляции субъекта возникают как новая нормальность. А разрыв дискурса, как новый способ связанности и связи, построенный по аутистическому принципу, указывает на все возрастающие социопатические тенденции и дальнейшее сползание в психоз.

Цивилизация разрушает культуру и человека. Биополитика² современной власти, обнаруживающей себя через диктатуру грубой силы, усиливает разрушительные тенденции в обществе, устанавливая двойную мораль.

Мы заботимся о вашей жизни и благополучии, – говорит власть, а на деле использует инструмент запугивания (включая, например, введение чрезвычайного положения и информационные атаки СМИ) и тем самым «льет воду на мельницу» общественного психоза.

Все это побуждает человечество искать новые способы связи и формировать новую норму в понимании себя, отношений любви и социального взаимодействия.

И вероятно, мы можем интерпретировать эту новую норму и новую этику, как психическую защиту от страха и беспомощности перед глобальными революционными изменениями мира, и как поиск психических убежищ для Эго.

«Так или иначе, – пишет в интернет-альманахе известный философ Григорий Тутьчинский, – но в настоящее время, в силу ряда общецивилизационных факторов, активно формируется новая персоналия, в которой личность во все большей степени предстает как проект, или даже - как серия проектов. Разумеется, при этом

² Новый термин, обозначающий смешение политической и биологической форм жизни.

не происходит отказа от статусных и ролевых идентификаций. Но они уже не тот гвоздь, на который вешается шляпа личности... Они становятся некими признаками, используемыми в технологии формирования и продвижения бренда, – так же, как биологическая и сексуальная привлекательность сохраняют важную роль в самом продвинутом обществе. Статус и роль становятся не целью – конечным результатом идентификации, а средством реализации проекта!» [4].

Но что мы видим в так называемом «анамнезе» среднестатистического человека? Недоверие, граничащее с паранойей, навязчивое отстаивание личных границ, «одиночество», голод по слиянию и поиск потерянногорая!

«...я поражена нашей современной неспособностью быть одинокими, – пишет Юлия Кристева статье, помещенной в спецвыпуске Европейского журнала психоанализа, посвященном пандемии. – Вся эта возбужденность и восторг по поводу гиперсвязанности, заставляет нас жить в изоляции перед экранами. Это не уничтожило одиночество, но уютно расположило его в социальных сетях, сжало в сообщениях и данных. Люди, уже опустошенные одиночеством, сегодня оказываются в одиночестве, потому что, несмотря на то, что у них есть слова, знаки, иконки, они утратили плоть, тело слов, ощущений совместного общения, чуткости, чувства долга по отношению к другим, заботы о других. Мы отдаем тело слов в качестве жертвоприношения вирусу и болезни, но мы уже были сиротами в этом человеческом измерении, которое является общей страстью» [3].

Современный человек соблазнен цифровым космосом, который дает ему право Творца, всемогущество бога и иллюзию бессмертия. Помните, в знаменитой сказке г. Х. Андерсена «Снежная королева» Кай должен сложить из льдинок слово ВЕЧНОСТЬ, чтобы получить могущество и бессмертие в холодных объятиях мертвой матери? Не правда ли, этот фрагмент сказки, напоминает то, что происходит с человеком сегодня? Человек вытеснил из сознания свою смертность, и для успешного возвращения к себе ему нужно обрести чувство предела и границу бытия.

Говоря о новой норме, нельзя не вспомнить нашего современника, американского детского психолога Джея Белски (Belsky, 1999), который писал о том, что мы должны пересмотреть вопрос о нормальных и патологических способах отношений в современном мире.

Д. Белски доказывает, что в некоторых условиях избегающий или амбивалентный паттерны могут быть более адаптивными. Избегающие взрослые завязывают поверхностные отношения и предпочитают относительно бурную сексуальную жизнь. Скорее всего, они не вкладывают душу в воспитание ребенка. Подобная же связь, проистекающая из опыта лишения или травмы, подталкивает родителей воспитывать беспомощных и зависимых детей, которые став взрослыми, никогда их не покинут.

Новая этика профессиональных отношений или современный пациент на психоаналитической кушетке

Как мы знаем из истории психоанализа, за последние 100 лет мировое психоаналитическое сообщество неоднократно делало попытки реформировать психоанализ, сделать его более адаптивным современному запросу.

Например, в 1987 г., на Международном психоаналитическом конгрессе в Монреале Роберт Валлерстайн предложил к осмыслению следующие вопросы:

1. Что такое современный психоанализ и что удерживает различные психоаналитические сообщества под одной психоаналитической крышей?
2. Психоаналитическая идентичность – что отличает нас от других похожих помогающих практик, которые мы именуем Не-психоанализом?

Говорили о необходимости изменений и немецкие учителя Томэ и Кехеле в своем меморандуме о реформе психоаналитического образования.

Психоанализ старел и из-за ригидных протоколов терял популярность среди нового/молодого поколения психологов и психотерапевтов.

Как раз об этом говорил Отто Кернберг в своей статье «30 методов для подавления творческих способностей кандидатов в психоаналитики».

Одна из последних попыток сделать психоаналитическое знание более открытым в социальную среду, на мой взгляд, была предпринята в Австрии в начале нового века, через образование новой профессиональной международной психоаналитической организации – Европейской Конфедерации Психоаналитических психотерапий.

ЕКПП отличалась открытостью и пластичностью к новым социальным запросам, и с моей точки зрения, была ближе к изначальному психоанализу Фрейда, утверждавшему, что психоаналитик следует за запросом пациента.

«Нам нужно набраться мужества и цельности, чтобы открыться и продемонстрировать свое психоаналитическое мышление и практику, и нет нужды тревожиться о будущем. Нужно демистифицировать психоаналитическое мышление и практику», – говорил президент ЕКПП М. Фай в своем выступлении на Психоаналитическом конгрессе 2006 г.

И я задаю себе вопрос: в сегодняшней травматической реальности должен ли современный психоанализ хранить верность психоаналитическому протоколу, проистекающему из лечения сначала истерических пациентов, а потом отредактированному под запрос нарциссического субъекта?

Сегодня мы работаем в пространстве глобальной психотической травмы, связанной не только с изоляцией и пандемией, но в большей степени с травмой от революционных изменений среды человеческого обитания, в котором внезапно возник и стал новой нормой цифровой способ жизни, который и есть сама травма!

Глобальный психоз, отсутствие навыков символизации, диффузная идентичность и потеря телесности и сексуальности, привели новых пациентов с новыми проблемами в психоаналитические кабинеты.

И у современных психоаналитиков еще даже нет мало-мальски понятной клиники, не говоря уже о технике и стратегиях работы с подобными проблемами, которые множатся, как грибы после дождя!

Возникает вопрос: должны ли мы отказываться от работы с такими непонятными клиентами в связи с тем, что у психоанализа нет терапевтических протоколов и сама психоаналитическая теория рекомендует не брать в психоанализ таких пациентов?

Должны ли мы делать психоанализ ради самого психоанализа, или мы работаем для пациентов?

Должны ли психоаналитики пробовать, искать и обсуждать в профессиональных сообществах свой психоаналитический инструментарий, свои гипотезы и тем самым писать новую историю психоанализа?

Полагаю, что обязаны! И не только ради обновления психоанализа, но и ради самих пациентов, для которых и открыл свой метод З. Фрейд.

Завершить свое выступление о новой этике в четвертом измерении я хочу известным мифом о Гефесте, его супруге Афродите и ее возлюбленном Аресте. Всегда занятый любимым трудом, Гефест мало бывал дома, и Афродита в его отсутствие предавалась любви с Аресом. Узнав об этом от всевидящего Гелиоса, Гефест решил наказать любовников. Он смастерил волшебную невидимую сеть и повесил ее над ложем. Как только Афродита и Арес возлегли, сеть накрыла их, и они больше не смогли заниматься любовью. Вероятно, это были сети морали.

Из мифа мы узнаем о возникновении морали и нравственности –сдерживающих социальных инструментах, которые создают основание общества и помогают человеку контролировать свои инстинкты, а также структурируют Эго и формируют невротическую личность.

По иронии судьбы, в сегодняшнем расчеловечивании человека «сети» тоже играют важную роль. Они соблазняют нас нарциссическим всемогуществом и сулят статус бога. Но не нужно заблуждаться, это не истерическое соблазнение, где тело и его театры играют первую скрипку, цифровая сеть усиливает расщепление субъекта и отделяет тело от Я.

Тело становится обузой, мешающей человеку растворяться в сети. А психотический фантазм о грандиозности расщепляет Я, фрагментируя личность в безграничных просторах цифрового мира. Личность обретает диффузную идентичность, соответственно архаический страх преследования и наказания усиливается. И я не погрешу против истины, если скажу, что эти тенденции отчетливо прослеживались уже на протяжении многих лет, предшествовавших пандемии.

В этом контексте сама пандемия воспринимается как симптом вялотекущего психоза, который материализует архаику бессознательного через манифестацию паранойи и ожидания наказания. Все эти процессы только усиливают и проявляют модель новой реальности, которая входит в нашу жизнь все настойчивее!

Основные концепты, из которых будет произрастать и на которых будет базироваться новая этика и наша психоаналитическая работа, на мой взгляд, таковы:

- во-первых, новая тоталитарность и новое принуждение,
- во-вторых, разрыв социальных связей,
- в-третьих – потеря телесности и расчеловечивание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. – СПб.: Питер, 2004.
2. Головин Ю.С. Словарь практического психолога. – М.: Харвест, 1998.
3. Кристева Ю. Человечество заново открывает для себя экзистенциальное одиночество // Европейский журнал психоанализа. Спецвыпуск. –2020. – № 3.
4. Тульчинский Г.Л. Личность как успешный автопроект // Интернет-альманах «ЧЕЛОВЕК. RU». – 2010. – № 60. – С. 145–154.
5. Фрейд З. Психология бессознательного: в 3-х тт. Невроз и психоз. – М.: Фирма СТД, 2006. – С. 353.
6. Фрейд З. Семейный роман невротиков. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. – 224 с.
7. Фрейд З. Сочинение по технике лечения. Очерки психоанализа. Психоаналитическая техника. – М.: Фирма СТД, 2008. – С. 409.